

Феномен сознания vs феномен слова (феноменологические этюды)

З.Я. Карманова

Брянский государственный университет

zoyadis@rambler.ru

Аннотация. Принципиальная позиция феноменологической лингвистики заключается в том, что всякий языковой знак, являясь имманентной онтологической структурой сознания, включает в себе информацию, «отпечаток» или след тех ментальных и ментально-рефлексивных сущностей, которые участвуют в конституировании и функционировании его содержательной сферы.

Феноменологическая лингвистика призвана заниматься исследованием внутреннего слова (нейросема) в феноменологическом поле сознания, которое доступно мысленному видению исследователя в актах феноменологической рефлексии. Слово является имманентной репрезентантой состояний и модусов сознания и ментально-рефлексивных актов во всей полноте и глубине их актуализаций в речемыслительном континууме.

Главная задача феноменологической лингвистики – дать реальное представление о способах существования и функционирования внутреннего слова, а также механизмах конституирования его (мета)смысловой матрицы в сознании.

Ключевые слова: феноменологическая лингвистика, феноменологическая концепция слова, рефлексия, внутреннее слово (нейросема), рефлексивность слова, смысловая матрица слова, конфигурация матрицы, энергийно-смысловый потенциал слова, конституирование матрицы

Abstract. The principal position of the phenomenological linguistics consists in the acceptance of the fact, that the word is an immanent ontological structure of consciousness, which contains information, or some trace of the mental-reflexive acts and actions that take part in the building and functioning of its inner sense sphere.

Phenomenological linguistics is to investigate the inner word (neuroseme) in the phenomenological field of consciousness, which reveals itself in the acts of phenomenological reflexion through mental vision.

The main aim of phenomenological linguistics is to give a real vision of life and functioning of the inner word in consciousness, as well as of mechanisms of building its matrix.

Key words: phenomenological linguistics, phenomenological conception of the word, reflexion, inner word (reflexeme), reflexivity of the word, sense matrix of the word, configuration of the matrix, energy-sense potential of the word, building of the sense sphere of the word.

«...мы имеем в виду слово, то есть язык в его конкретной и живой целокупности, а не язык как специфический предмет лингвистики...»

М.М. Бахтин

Представление о феноменологической сущности слова в традиционной лингвистике и когнитивистике, а также в философских и психологических трудах многих авторов, где постулат о неразрывной имманентной онтологической связанности языка и мышления, слова и мысли является лишь заявленным конструктом познания, получает свое развитие в феноменологической лингвистике, где связка «слово-мысль» находит свое научное и практическое обоснование, объяснение и реальное представление.

В феноменологической концепции слово рассматривается в двух ипостасях: внутреннее (непосредственно не явленное) vs внешнее (непосредственно явленное, сказанное, услышанное или написанное) слово. Внутреннее слово представляет собой ментальную субстанцию или «феноменальную материю», а именно слово-нейрон, или нейросему. Функциональные параметры нейросемы в сознании языковой личности коррелируют с (мета)смысловыми параметрами внешнего слова. Явленная вовне содержательная структура слова коррелирует с (мета)смысловой матрицей внутреннего слова, которая имеет определенную конфигурацию. Иными словами, она тождественна или конвариантна матрице нейросемы в феноменологическом поле сознания (нейросеть мозга). По внешнему слову возможны реконструкция, моделирование и диагностирование состояния нейросемы в феноменологическом поле сознания.

В феноменологической концепции слова рефлексивность сознания и рефлексивность нейросемы принимаются в качестве имманентного онтологического основания жизни и функционирования слова и развертывания речемыслительных процессов. Рефлексивность – фундаментальный предикат сознания, его имманентный онтологический, энергийно-смысловой конструкт и, следовательно, энергийно-подвижная и энергийно-смысловая сущность и реальность слова, актуализующая его неизбывное стремление к самореализации и смысловому воплощению. Она актуализуется в речемыслительном континууме через движение рефлексивных токов сознания, имеющих определенную направленность (вектор) и наделенных словоформирующей, смыслоносной или словообразующей способностью. Рефлексивность поддается осознанию во всей глубине и полноте ее актуализаций в речемыслительной деятельности. Именно рефлексивность нейросемы обуславливает ее способность к саморастождествлению, самонастройке или самокорректировке, в результате чего матрица изменяет свою конфигурацию, обретая или утрачивая векторы мысли относительно мыслимых объектов.

Речемыслительная деятельность осуществляется в контексте непрерывных рефлексивных движений, пульсаций, подвижек и сдвигов в структуре нейросемы при ее непрерывной ориентации и фокусировке относительно различных структур сознания. Энергийно-подвижная сущность нейросемы обеспечивает ее способность бесконечно и разнообразно трансформировать, переструктурировать и перезагружать свою матрицу для выражения бесконечного (разно)(много)образия мыслительных содержаний.

Принципиальная позиция феноменологической лингвистики заключается в том, что всякий языковой знак, являясь имманентной онтологической структурой сознания, включает в себе информацию, «отпечаток» или след тех ментальных (ментально-рефлексивных) сущностях, которые участвуют в конституировании и функционировании его содержательной сферы. Слово является имманентной репрезентантой мысли и всех

психологических переживаний человека. во всей полноте и глубине их актуализаций в речемыслительном континууме.

Основополагающие постулаты феноменологической лингвистики со всей очевидностью уже обозначены в философии, психологии и лингвистике XXI-XX вв. (В. Гумбольдт, Л. Витгенштейн, Э. Гуссерль, Г. Гийом, К.П. Зеленецкий, А.А. Потебня, Г. Шпет, Л.С. Выготский, А.Ф. Лосев и др.). Признавая феноменологическую сущность слова, в его понимании необходимо отталкиваться от сущностей и принципов самого сознания - этого «странного медиума», по выражению Л. Витгенштейна. К основополагающим феноменологическим постулатам можно отнести следующие положения, сформулированные видными феноменологами: выраженная мысль есть слово; слово живет жизнью самой мысли, жизнью сознания; слово и мысль онтологически и имманентно не делимы; возникновение и развитие мысли неразрывно связаны с конституированием и развитием смысловой матрицы слова; взаимоотношения между мыслью и словом есть «взаимоотношения жизненной необходимости»; «тончайшие изгибы мысли вторятся в изгибах слововыражения»; внутреннюю сторону речи должны составлять законы мышления; разум является первейшей основой слова, его «оплодотворяющим, зиждущим началом»; в слове необходимо признать присутствие свойств разума. Поэтому наука о слове во всех частях своих должна уславливаться теорией мышления» и отображать ее в себе ([К.П. Зеленецкий); слово, речь являются актом объективирования сознания и толкования мысли (А.А. Потебня); слово есть необходимый результат мысли и только в нем мысль достигает своего высшего напряжения и значения (А.Ф. Лосев); слово есть непосредственная проекция и реальность мысли, через него возможен «перехват» (термин Г. Гийома) онтологических структур сознания, которые «экранируют» себя в слове; слово – «текст сознания» (Х.-Г. Гадамер); как живая клетка слово содержит в себе все основные свойства языкового мышления (Л.С. Выготский) и др.

В феноменологических исследованиях сознание признается системой координат, в которой осуществляется конституирование содержательной сферы слова, и, с другой стороны, слово принимается в качестве системы координат, в рамках которой возможно реконструкция актов действующего (рефлектирующего) сознания. Возможность исследовать сознание через посредство слова признавал еще Рене Декарт. Познание сознания во всей полноте его актов и трансакций практически осуществимо через познание содержательной структуры слова. Феноменологическая лингвистика способна пролить свет на механизмы соорганизации мысли и слова, становления мысли-в-слове и слова-в-мысли.

Слово является инструментом, с помощью которого формируется своеобразное «окно», через которое нам дано «заглянуть» в сознание, во внутренний мир человека, а также ключом к человеческой мысли и к природе сознания и человеческой психики. «Изучая семантику естественного языка, мы по необходимости изучаем структуру мышления» [Jackendorf 1983: 10]. Слово в своей имманентной онтологической сущности способно перехватывать ментальные (ментально-рефлексивные) усилия и объективировать их вовне. Термин «перехват» принадлежит Г. Гийому. Более того, слово является единственным доступными и эффективным средством проникновения в глубинную сущность сознания. Этот факт отмечен в трудах целого ряда ученых философов, нейрофизиологов, психологов и лингвистов (В. Гумбольдт, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Н. Хомский, Г. Гийом, А.А. Потебня, Г. Шпет, В.С. Выготский, Г.П. Щедровицкий, М.К. Мамардашвили, А.Ф. Лосев, Н.П. Бехтерева, И.А. Мельчук и др.). Человеческое сознание обладает имманентной способностью как создавать определенные смысловые линии в сознания, так и знать или осознавать саму эту способность.

Для познания сущности сознания через посредство слова и сущности слова через сознательный опыт человека необходимо двигаться в направлении онтологического размыкания как самого сознания, так и самого слова. Онтологическое размыкание слова возможно и практически осуществимо силой феноменологической рефлексии, которая, по определению основоположника феноменологии Э. Гуссерля, есть «та рефлексия, в которой нам становится доступно психическое в его собственной сущности, причем рефлексия, которая мыслится в качестве осуществляемой в теоретических интересах и которая последовательно проводится, так, что подвижно-текущая специфическая жизнь Я, жизнь сознания не только поверхностно осматривается, но эксплицируется в созерцании в соответствии со своими собственными существенными составными частями и, как мы уже говорили, во всех горизонтах» [Гуссерль 1991: 12-21].

В феноменологической рефлексии слово доступно феноменально, т.е. мы включены в него (по М.К. Мамардашвили). Нам дано ощущать, осознавать, идентифицировать и интерпретировать внутренние содержания, связанные со словом, в нейросети мозга. При этом в сознании возникают ментальные картинки, которые связываются с тем или иным словом. О ментальных картинках в сознании, связанных со словом, писал Л. Витгенштейн: «... наш язык изначально рисует какую-то картину» [Витгенштейн 1994: 269]. «... И в самом деле, пишущему (мне) часто представляется, что за словами стоит определенная картина, будто слова описывают ее для меня» [там же: 484]. «Знакомое обличье слова; ощущение, будто слово является как бы картиной своего значения; что оно как бы вбирает в себя свое значение» [Витгенштейн 2001: 6]. Можно предположить, что мысленная картинка в сознании относительно слова и есть в определенной степени ощущение, осознание и идентификация наличия и локализации нейросемы, ее конфигурации и ее ментально-рефлексивных параметров.

Речемыслительная деятельность строится на основе ощущения, трансцендентного предчувствия и осознания (мета)смысловой матрицы в нейросети мозга. Примеры такого ощущения, трансцендентного предчувствия и осознания матриц и их контуров или конфигураций можно найти у Л. Витгенштейна и у целого ряда других авторов. Языковая личность способна отдавать себе отчет в наличии или отсутствии словесной матрицы в феноменологическом поле сознания, а также в значительной мере о ее смысловой конфигурации и о ее разных параметрах. Так, мы можем знать в актах трансцендентного предчувствия, есть ли в наличии то или иное слово. «Слово вертится у меня на языке» говорит тебе: слово, подходящее к данному случаю, ускользнуло от меня, я надеюсь вот-вот его найти» [Витгенштейн 1994: 307].

Контурно, в общих чертах его матрица проявляется в процессе припоминания. Мы знаем, что оно есть, хотя в данный момент не припоминается, поскольку есть ощущение пробела в сознании, ассоциируемого со словом, о котором писал У. Джеймс: «В нем есть как бы ощущение некоего пробела, и пробел этот ощущается весьма активным образом. Перед нами как бы возникает нечто, намекающее на забытое имя, нечто, что манит нас в известном направлении, заставляя нас ощущать неприятное чувство бессилия и вынуждая в конце концов отказаться от тщетных попыток припомнить забытое имя. Если нам предлагают неподходящие имена, стараясь навести нас на истинное, то с помощью особого чувства пробела мы немедленно отвергаем их. Они не соответствуют характеру пробела. При этом пробел от одного забытого слова не похож на пробел от другого, хотя оба пробела могут быть нами охарактеризованы лишь полным отсутствием содержания» [Джеймс 1991: 56-80].

Размыкая и растожествляя слово и проникая таким образом в его глубинные смыслы силой феноменологической рефлексии, мы способны отдавать себе отчет о том, какая именно «ментальная картинка» просматривается при этом «мысленным взором». Когда слово рассматривается сквозь призму феноменологической рефлексии, неопределенность понятий «сознание», «слово» и «значение слова» снимается. Феноменологической

рефлексии доступна вся сфера «специфической подвижно-текучей жизни» сознания, а также и внутреннего слова (нейросема) во всем объеме, полноте и глубине актуализованных в нем смыслов и во всех горизонтах мысли.

Следует заметить, что некоторые авторы считают, что изучение сознания посредством слова и слова в контексте сознания и через сущности сознания - задача малоперспективная. Отрицание возможности и перспективности таких исследований объясняется отсутствием соответствующей методологической базы и соответствующего методологического инструментария для представления, анализа и описания слова в его внутренней, глубинной сущности, без которых невозможно осуществить онтологическое размыкание сознания и его имманентной структуры – слова. В сложившейся парадоксальной ситуации, когда очевидная и фактически общепризнанная неразрывная связанность мысли и слова, языка и мышления не может быть подтверждена и эксплицирована вследствие отсутствия соответствующей методологической базы, выход возможен в перспективе развития соответствующего методологического и понятийно-категориального и терминологического аппарата, который позволил бы не только «просматривать» ментальные содержания и события в нейросети мозга, т.е. осуществлять феноменологическую «визуализацию», но и фиксировать и «записывать» непосредственно явленное в процедуре феноменологического анализа.

Важнейшая задача феноменологической лингвистики состоит в дальнейшем развитии феноменологической идеи и разработке специфической методологической базы и понятийно-категориального и терминологического аппарата для представления тех внутренних смысловых содержаний, которые (про)являются в результате онтологического размыкания слова. Такая база в настоящее время находится в стадии становления.

В ходе феноменологического анализа слова, был вычленен конструкт феноменологического анализа и представления смысловой сферы слова – рефлексема (рефлексия + сема), позволяющий эксплицировать внутреннюю ментальную картинку, заключенную в слове. Г.П. Щедровицкий считал возможным установление через посредство слова «алфавита операций» сознания [Щедровицкий 1995]. Выделение «алфавита сознания» или составление реестра векторов мысли позволит выявлять и идентифицировать векторы мысли (рефлексивные векторы) в содержательной структуре слова и даст ключ к пониманию главной проблемы лингвистики – проблемы значения слова, а также многих других актуальных для современной лингвистики вопросов и проблем.

Уже предпринята попытка составления «алфавита сознания» [Карманова 2012, 2014], что делает возможным представление внутреннего слова во всей полноте и глубине его смысловых актуализаций в речемыслительном континууме. Разветвленная структура «алфавита сознания» позволяет значительно расширить представление о самом слове, его смысловой сфере и механизмах функционирования в феноменологическом поле сознания. Онтологическое размыкание слова на основе феноменологического конструкта рефлексемы позволяет уйти от представлений сознания вообще и слова вообще.

Поскольку рефлексия вообще и феноменологическая рефлексия в частности являются индивидуально-личностным конструктом в силу своей имманентной онтологической присущности сознанию определенного человека с его индивидуально-неповторимым ментально-рефлексивным почерком и, соответственно, личностным преломлением окружающего мира в сознании, индивидуально-личностными представлениями о пространстве и времени, не тождественным физическому пространству и времени, феноменологическая лингвистика исходит из принципа онтологической индивидуализации слова, уходя таким образом от слова вообще. Нельзя не согласиться с М.К. Мамардашвили в

том, что «представлением называется нечто такое, о чем можно сказать: это мое представление» [Мамардашвили 2012: 25].

Через слово возможно выстраивание представлений о структуре (сома, дендриты) и конфигурации матрицы нейросемы. Осознаваемые рефлексивные векторы в структуре нейросемы могут являться свидетельством состояния нейросемы и состояния памяти. Например, сома нейрона может отчетливо представляться и не требуется дополнительных мнемонических усилий для ее реконструкции. Однако не редки ситуации, когда сома нейрона не приходит на ум, хотя есть осознание ее наличия в сознании. При этом могут помниться «остатки» слова – отдельные дендриты. В этом случае, очевидно, память сохраняет дендриты и неотчетливо представляет сому нейросемы. Иногда по наличным векторам мысли относительно сомы происходит восстановление сомы в памяти. Речь идет о разной мере устойчивости следов (энграммы), оставленных в коре головного мозга связанных со словом. Процедура вспоминания слова отражает состояние нейросемы и позволяет диагностировать вербальную память.

Можно говорить о возможности осознания или ощущения как целостной (мета)смысловой матрицы слов, так и отдельных векторов мысли в пределах матрицы. Л. Витгенштейн говорил о «переживании смысла» и об «ощущении смысла». Языковая личность способна утрачивать «ядерное» представление (собственно денотат) в содержательной структуре слова, но при этом сохранять отдельные представления, надстраиваемые над ним. В этом случае денотативное ядро не приходит на ум, ускользает не поддается идентификации, но сознание может удерживать отдельные векторы мысли и представления, которые ощущаются как принадлежащие данному слову и характеризуют его. Например, можно забыть само слово «янычар», но при этом есть осознание некоторых векторов ретроспективной направленности, связанных с этим словом (Османская империя, XIV век, дети-воины, войны, воинственность, жестокость, фанатизм и др.). Векторы относительно денотативного ядра могут осознаваться с разной степенью ясности и отчетливости.

Осознание векторов мысли относительно ядерного смысла означает осознание дендритных отростков. Приобретя определенную ориентацию, отростки могут сохранять ее неопределенно долго. Матрица нейросемы способна хранить память о представлениях, актуализованных исходно (например, медведь = мёд едящий), фиксировать текущие представления и предрасположена к отражению потенциально возможных представлений, и таким образом развивающаяся мысль находит способы диалектического и эволюционного воплощения в слове.

Количественный и качественный состав дендритов в структуре нейросемы (дендритные отростки, дендритная ветка, дендритное дерево) существенен, поскольку отражает характер мобилизации ресурсов мозга при ее конституировании и функционировании в речемыслительном континууме. Н.П. Бехтерева считала, что необходимо научиться различать эффекты количественной мобилизации ресурсов мозга и возможных качественных изменений в характере его деятельности

Насыщенная (мета)смысловая матрица слова соотносится с нейросемой развитой конфигурации, т.е. нейросемой с развитой «дендритной веткой». Параметры «дендритной ветки» и «дендритного дерева» нейросемы в целом обуславливают семантическую емкость

языковых структур. В процессе функционирования нейросемы число дендритов и дендритных ветвей может увеличиваться или уменьшаться (стершиеся метафоры, клише, языковые и речевые штампы). Именно различие нейронных матриц по признаку качественного и количественного состава заключенных в них рефлексивных векторов обуславливает их разный энергийно-смысловой потенциал в речемыслительной деятельности.

Полноценное существование слова в феноменологическом поле сознания означает, что вся структура нейросемы (сома + дендриты) осознается ясно и отчетливо. Речь также может идти об осмысленном осознании слова в нейросети мозга и неосмысленном, или не вполне осмысленном, которое представляется с разной мерой ясности. «Да ведь слова, произнесенные осмысленно, имеют не только поверхность, но и глубину! Ведь при их осмысленном высказывании происходит нечто иное, чем в том случае, когда их просто произносят», - писал Л. Витгенштейн [Витгенштейн 1994: 241].

Иногда возможно «нащупывание» или «прощупывание» рефлексивных векторов в структуре нейросемы, как например, в случаях разбора смыслового состава слова, когда делаются попытки понять, какие именно смыслы проявляются в слове. Иногда ощущается только фонетическая составляющая слова, например, звук, с которого начинается слово, или звук, который содержится в структуре слова. Иногда – это общее ощущение, расплывчатое и неясное, с размытыми смысловыми контурами, как след более ранних представлений или не совсем утраченных представлений. Это могут быть ощущения явные/неявные, отчетливые/неотчетливые.

Возможно также ощущение графических векторов относительно слова, как например, с какой буквы начинается слово, особенности написания, гарнитура шрифта.

«У нас может сохраниться ритм забытого слова без соответствующих звуков, составляющих его, или нечто, напоминающее первую букву, первый слог забытого слова, но не вызывающее в памяти всего слова. Всякому знакомо неприятное ощущение пустого размера забытого стиха, который, несмотря на все усилия припоминания, не заполняется словами» [Джеймс 1991: 56-80]. Ощущение или осознание определенного ритма, сопутствующего слову, можно рассматривать как след более ранних представлений и не совсем утраченных представлений.

Представление или ощущение (мета)смысловой матрицы слова в сознании может быть с разной мерой осознанности и отчетливости. Иногда слово осознается потенциально, и есть ощущение его наличия в сознании, но оно не сразу всплывает в памяти. «Мысли поднимаются на поверхность сознания медленно, как пузырьки. Иногда мысль, идея видится человеку, словно едва заметная точка далеко у горизонта; а затем нередко она приближается с поразительной быстротой» [Витгенштейн 1994: 469]. То же самое может происходить со словом. Проблески понимания как своеобразные ощущения также могут давать представление о наличии смысловой матрицы слова, хотя и в неполном виде.

Можно также говорить о возможности осознания векторов по параметру их пространственно-временной ориентации, как например, в следующем высказывании К.А. Свасьяна: «Подводя итоги, будем держаться не только респективной линии сказанного, но и проспективной линии еще не сказанного» [Свасьян 2009].

Нам дано осознавать свою рефлексивность в перспективе, т.е. по словам М.М. Бахтина, «освещать себя предстоящим смыслом». Возможно ощущение темпоральности, в частности ощущение «прошлости», «ощущение «давным-давно»» (термин Л. Витгенштейна) или «будущности» слова. Л. Витгенштейн пишет: «Но разве не существует особого ощущения «прошлости», характеризующего образы как образы памяти? Определенно, существуют переживания, которые я был бы склонен назвать ощущением прошлости», хотя и не всегда, когда я что-нибудь вспоминаю, непременно присутствует одно из таких ощущений» [Витгенштейн 2005: 336]. Мы легко определяем принадлежность слова эпохе, историческим событиям, историческим и литературным деятелям и т.д. Совершенно очевидно осознание ретроспективного вектора при восприятии гоголевской лексики.

Осознание векторной направленности во временной плоскости очевидно при восприятии историзмов, архаизмов, неологизмов. Также возможно осознание пространственной протяженности слова - длинное/короткое слово, не очень длинное или не очень короткое.

Мысленным видением возможно определение модальности слова (отношение говорящего к содержанию его высказывания, целевую установку речи, отношение содержания высказывания к действительности). Слово соотносимо с разными модальностями представления действительности в сознании.

Количество дендритных отростков относительно сомы нейросомы не ограничено. Возможно произвольное выстраивание/достраивание дендритной ветки относительно сомы, как например, посредством суффиксальной или префиксальной парадигмы. Мы можем взять слово и экспериментировать с ним, примысливая разные векторы посредством различных, не присущих им суффиксов. В стихотворениях К.Д. Бальмонта можно найти такие примеры: *расцветность, полнозвонность, небесность, опрокинутость, перекрестность, изумрудность, пьяность, звездность, жемчужность, свирельность, сиянность, несказанность, любовность* и др. У В.Я. Брюсова - *беломраморность, прекрасность*.

Здесь очевидно проявление поэтической индивидуальности и оригинальности, что порождает целый ряд специфических смыслов и связано с необходимостью рефлексивного осмысления. Это – феномен рефлексивных игр которые строятся на основе перезагрузки или реструктуризации (мета)смысловой матрицы слова. Невозможно определить, какое именно содержание разовьется при осмыслении и интерпретации данных слов. А.А. Потебня писал: «Внутренняя форма слова, произнесенного говорящим, дает направление мысли слушающего, но она только возбуждает этого последнего, дает только способ развития в нем значений, не назначая пределов его пониманию слов» [Потебня 1999: 162].

Энергия сознания (рефлексивные токи) распределяется не равномерно по всему полю матрицы нейросомы, а избирательно, что определяет ее нелинейные свойства. Конфигурация (мета)смысловой матрицы формируется в нейросети мозга через множество возможных рефлексивных трансакций, из которых в матрице слова актуализуются и поддерживаются энергетически лишь те, которые соответствуют конкретной ситуации или контексту, в том числе контексту «здесь-сейчас-я». Таким образом осуществляется самоструктурирование матрицы и реализуется синергетический принцип "единство через разнообразие". Поддерживаемые энергетически рефлексивные векторы и каналы становятся активными в речемыслительной деятельности, не поддерживаемые энергетически векторы могут частично или полностью редуцируются, угасать и исчезать. Соответственно, можно говорить об энергонапряженности и энергодефиците и о энергонапряженных и

энергоослабленных нейросемах. Энергичная составляющая нейросемы может служить показателем состояния памяти. В речемыслительном континууме нейросема (про)являет себя через энергию актуализованных в ней смыслов.

Нам дано ощущение или осознание энергично-смыслового потенциала слова в феноменологическом поле сознания, т.е. меры смыслового насыщения нейросемы (ср. энергия – полнота смысловых сил, по Плотину) во всем диапазоне его актуализаций, а также интенсивность отдельных смыслов в структуре нейросемы. Интенсивность смысла – энергично-смысловый параметр нейросемы, который проявляется в слове как момент дифференциации его энергично-смыслового потенциала как например, *важнейший – наимважнейший, язвительный – наизъявительнейший*. Энергично-смысловый потенциал нейросемы проявляется через ее способность возбуждать сознание другого, приводя в движение его рефлексию при восприятии им этого слова.

В практике речемыслительной деятельности мы способны следить за движением рефлексии в смыслах и к смыслам непосредственно в пределах словесной матрицы в сознании, за ходом мысли, а также останавливать или запускать, анализировать и синтезировать смыслы и т.д. в широком диапазоне модусных параметров.

Смысловая матрица слова также может обнаруживать себя через осознание внутреннего движения мысли, когда возможна фиксация феноменологической рефлексии на отдельных смыслах слова или становится возможным осознание общей конфигурации словесной матрицы. В частности, возможно регулирование смысловой интенсивности слова и его энергично-смыслового потенциала. Это может проявляться через разные виды повторов (лексические, семантические синтаксические, стилистические). Как например: «*А теперь действовать, действовать, действовать*» (И. Ильф и Е. Петров «Двенадцать стульев»).

Можно управлять движением рефлексии, останавливать или запускать движение рефлексивных токов. Например, слова Скарлетт из «Унесенные ветром»: «Я сегодня об этом думать не буду». Здесь очевидно включение волевого усилия, волюнтаривной составляющей сознания.

Возможно фиксирование рефлексии на определенных значимых смыслах и их удержание (рефлексивная ретенция), как это очевидно в следующих высказываниях: «Я понимаю неясность этого, но я специально придаю сказанному парадоксальную форму, чтобы заострить возможное движение мысли и своей, и вашей» [Мамардашвили 2012: 23]. Еще один пример: «Держите пока в голове эти оттенки мысли» [Мамардашвили: 2000: 214].

Ретенция проявляется также через способность сознания связывать части текста, как например: «И тем самым я завершил, связал конец своего затянувшегося доклада с его началом» [Мамардашвили 2012: 19-32].

О возможности осознания и регулирования динамики и меры напряженности мыслительных процессов свидетельствует также и следующее высказывание: «Именно к такому диалектическому постижению я и намерен теперь перейти, не пытаясь ослаблять напряженность движения по пути «туда и обратно», которое мне представляется неизбежным и даже необходимым...» [Рикёр 1996: 15].

В определенной мере мы можем контролировать переход от левого полушария к правому, и наоборот. «А теперь от левого полушария перейдем к правому» (Д. Болинджер).

Через посредство слова можно направлять и настраивать рефлексию. «Хотелось бы чтобы читатель сразу настроился на определенную волну (проблему)». Далее следуют выдержки из Фейербаха, Канта, Ухтомского, Выготского, Бахтина [Библер 1990: 18].

Возможно также осуществление поиска нужной нейросемы в феноменологическом поле сознания, так называемые «рефлексивное рыскание» и «рефлексивное сканирование», когда есть осознание или ощущение движения рефлексивного луча и фиксирование или идентификация внутреннего слова и его параметров. «Как я нахожу «правильное» слово? Как я выбираю его среди других слов? Иногда это может происходить так, словно я сравниваю тончайшие оттенки запахов: это чересчур... и это тоже слишком...- а вот то, что нужно. Но при этом не всегда нужно выносить оценки, объяснять. Нередко можно лишь сказать: «Это просто еще не подходит». Я неудовлетворен и продолжаю поиск. Наконец ко мне приходит то самое слово: «Вот оно!» Иногда я могу сказать почему. Просто поиск здесь выглядит вот так, находка – так» [Витгенштейн 1994: 306]. Аналогичная мысль звучит в следующем высказывании С.Л. Рубинштейна: «...бывает, что мы еще как бы ищем речевую формулировку для своей мысли; мысль как будто уже имеется. В речевое ее выражение еще не найдено. В ходе этих поисков мы принимаем не каждую подвернувшуюся нам речевую формулировку; мы иногда отвергаем ту, которая нам сперва подвернулась, как не отвечающую нашей мысли, более или менее длительно преодолевая значительные трудности, работаем над подыскиванием адекватной речевой формулировки для нашей мысли. Если бы мысль, не получившая речевой формулировки, вообще отсутствовала, то она не могла бы контролировать подбираемую для нее формулировку» [Рубинштейн 1959: 111-112].

Феномен слова допускает широчайший спектр смысловых оттенков и нюансов. «Между сознанием и реальностью зияет поистине пропасть смысла», - писал Э. Гуссерль, и эта пропасть смысла находит отражение в содержательной структуре слова. А.Ф. Лосев говорит о возможности бесконечного множества оттенков у слова. «...каждое слово и каждый языковой элемент заряжен бесконечным количеством разного рода смысловых оттенков, и мы даже и сами не замечаем, какое огромное количество этих оттенков должно заключаться в наших словах, чтобы мог состояться самый обыкновенный разговор. Поэтому бесконечная смысловая заряженность каждого языкового элемента является подлинной спецификой языка, и только здесь неподвижное «основное значение слова», о котором мы говорили в начале, становится живой и подлинной динамической картиной выражаемых нами мыслей в языке» [Лосев 1983: 141].

Матрица нейросемы проявляет способность к бесконечной перезагрузке своего содержания. Подлинная специфика слова заключается в рефлексивной подвижности нейросемы, т.е. имманентной онтологической способности нейросемы изменять, перезагружать и переструктурировать свою матрицу. Поскольку мысль никогда не совпадает сама с собой и «...деятельность смысла принимает на себя удары реальности» [Рикер 2008: 142], матрица нейросемы и ее конфигурация претерпевают непрерывные и бесконечные изменения. Не существует раз и навсегда фиксированных матриц. Слово должно быть понято во всем объеме человеческой мысли, во всей глубине и полноте своих содержаний, в широчайшей парадигме смыслов, их нюансов и оттенков, отражающих «бесконечно малые перцепции» (термин Лейбница).

При рассмотрении феноменологической сущности слова необходимо учитывать фактор (много)(разно)образия контекстов. Смысловый объем слова «Париж» будет варьироваться в широчайших пределах в восприятии и представлении разных людей, что контекстуально и ситуативно обусловлено. У тех, кто бывал в Париже, у тех, кто никогда не был в Париж, у тех, кто знаком с Парижем по рассказам, у тех, кто читал о Париже, у тех, кто слышал о Париже, у тех, кто знаком с Парижем по фильмам, у тех, кто слышал о Париже от разных людей и т.д., объем представлений не может быть тождественным.

Фраза И. Эренбурга «Увидеть Париж и умереть!» передает всю полноту представлений о Париже, где есть восторг, восхищение, обожание, удивление, причастность и т.п. Совершенно очевидно, что внутренняя форма слова «Париж» в контексте «здесь-сейчас-я», т.е. в момент непосредственного пребывания конкретного человека, будет иметь свою уникальную, неповторимую смысловую конфигурацию. Осознание контекста, в котором конституируется матрица нейросемы, позволяет правильно считывать заключенные в ней смыслы. Матрица слова, рассматриваемая вне конкретной ситуации или контекста, - это лишь потенция бесконечных энергийно-смысловых актуализаций.

Мы способны ощущать и осознавать в речемыслительном континууме энергийно-смысловое поле нейросемы, ее ауру, полифоническое звучание его смыслов. В практике речемыслительной деятельности проявляются отдельные языковые структуры с насыщенной (мета)смысловой надстройкой что позволяет отнести их к полевым формациям в нейросети мозга. Это слова с высокой синергией мысли и слова, заключающих в себе множество векторов мысли исторического, культурного, религиозного значения, в силу чего они обретают статус духовности, как например, *Бог, Москва, Ренессанс, Париж, Мона Лиза, Шекспир, А.С. Пушкин* и др. Именно такое понимание и восприятие слова «Москва» очевидно в следующих строках:

«Москва! Как много в этом звуке

Для сердца русского сплелось,

Как много в нем отозвалось!» (А.С. Пушкин).

Дух и духовность, по Гегелю, преображают и просветляют мир, внося в него наиболее яркие и значимые воплощения смыслов [Гегель 2000]. Возможно интендирование духовной составляющей или «направленности духа» (термин Н.А. Бердяева) в слове, которая может быть положительной и отрицательной. «Я уже не помню своих слов, но, конечно, помню их дух», - писал Л. Витгенштейн [Витгенштейн 1994: 251]. «Направленность духа» проявляется, в частности, в пейоративной лексике (пейоративы, дерогативы), выражающей уничижительную или негативную оценку (неодобрение, порицание, иронию или презрение) и эмоциональную оценку. Отрицательный оттенок, в частности придают уничижительные суффиксы, как например, *наглец, лицемер, лицемеришка, пьяница, пьянь, пьянчуга, пьянчужка, кретин, зануда, урод, эгоист, тупица, нахал, нахалюга, хлыщ, зубрила, хулиган, лентяй, ничтожество, мегера, подлиза, предатель, развратник, дурак, тряпка, неряха, старикашка, инженерушка, книжонка* и т. д. Пейоративность (пейоративность) является метасмысловой составляющей смысловой сферы слова. Пейоративность очевидна в словах с уничижительным суффиксом «ё» (*олигархья, людья, бабья, ворья* и т.д.) который придает словам определенную смысловую динамику и интенсивность.

Мы можем «записать» новое слово в сознания, т.е. создать нейросему. Нам дано ощущать и осознавать сам процесс конституирования содержательной сферы слова, движения в пределах нейросемы, раздвижение ее смысловых контуров, выстраивания ее конфигурации и т.д. М.М. Бахтин писал об особом «чувстве порождения значащего слова»: «...это не чувство голого органического движения, порождающего физический акт слова, но чувство порождения и смысла и оценки, т.е. чувство занимания позиции цельным человеком, движения, в которое вовлечен и организм, и смысловая активность, ибо порождается и плоть и дух слова в их конкретном единстве» [Бахтин 1975].

Человеческому сознанию дано осознавать моменты разбалансированности мысли и слова, когда «мысль не пошла в слова» и наоборот, слово выражает мысль редуцированно, не полно или неадекватно. Такие ситуации описаны Л. Витгенштейном: «...бывают случаи, когда смысл того, что человек хотел сказать, представляется ему куда более яснее, чем он в состоянии выразить словами. <...> При этом в воображении человека как бы явно присутствует некое видение, только ему не удается описать его так, чтобы оно стало зримым и для другого человек» [Витгенштейн 1994: 484].

«Пустое слово», «пустые разговоры», «тары-бары насчет тары», «мертвые слова», «словеса», «словоблудье» и т.д. можно рассматривать как проявление в той или иной мере рассогласованности между мыслью и словом.

Неформальная лексика – пример дисбаланса между мыслью и словом, когда деформирована или элиминирована номинативная смысловая составляющая и гипертрофирована смысловая надстройка (выраженная эмоциональная доминанта).

Нам дано ощущение и осознание жизни и функционирования слова в феноменологическом поле сознания. Жизнь слова-нейрона состоит в изменении конфигурации его матрицы: возникновение, расширение и сгущение дендритных отростков, с одной стороны, и размывании, постепенном затемнении и угасании, с другой. О возможности представления одного и того же содержания с различными степенями ясности, а также о постепенном затемнении и угасании представлений и исчезновении из сознания писал А.А. Потебня [Потебня 1913]. Стершиеся метафоры являются примером затемнения и угасания представлений в слове и, следовательно, угасания и исчезновения дендритных отростков нейросемы. Это – также свидетельство значительного снижения энергетико-смыслового потенциала нейросемы по сравнению с оригинальной метафорой, заключающей в себе высокий энергетико-смысловой потенциал, поскольку ее конституирование сопряжено с актуализацией множества векторов мысли.

Возможно ожидание и предвосхищение конфигурации нейросемы, что наблюдается, когда, например, слово произносится с разными оттенками и нюансами, когда есть четкое осознание его адекватности/неадекватности ситуации или контексту. Возможно также феноменологическое предчувствие конфигурации нейросемы с его совокупностью векторов.

В актах феноменологической рефлексии мы способны осознавать валентность слова, а следовательно, и валентность нейросемы. По А.Ф. Лосеву, «языковой элемент в свете валентности уже рассматривается как нечто содержащее в себе зародыш возможных семантических связей» [Лосев 1983: 132]. В феноменологическом представлении валентность – способность языкового знака вступать в связь с другими знаками для образования более или менее обширных цельностей посредством установления смысловых связей. П.А. Флоренский выразил эту мысль образно, представляя, по существу, способ

функционирования матрицы слова в сознании. «Неопределенность, безграничность, зыблемость семемы позволяет протягивать невидимые нити между словами там, где, где их как будто невозможно протянуть. От слова тянутся нежные, цепкие щупальца, захватывающие щупальца другого слова. Слово с расширенной семемой воистину живет притрепетной жизнью. Оно затрагивает такие струны души, которые доселе молчали. Смутное, далекое, полузабытое, дремлющее шевелится в глубине души, навстречу такому слову» [Флоренский 2004: 86-87]. Таким образом, даже небольшой обзор корреляций мысли и слова через представление жизни и функционирования внутреннего слова в феноменологическом поле сознания, показывает перспективность феноменологической лингвистики и феноменологической концепции слова.

Феноменологический анализ слова позволяет раскрыть истинную, глубинную сущность слова. Он всеобъемлющ, и в этом заключается его уникальность и перспективность.

Литература

Бахтин М.М. 1975. Вопросы литературы и эстетики. М.: «Художественная литература», 6-71.

Библер. 1990. От наукоучения – к логике культуры: Два философских видения в двадцать первый век. М.: Политиздат.

Витгенштейн Л. 1994. Философские работы. Ч.1. М.: Издательство «Гнозис».

Витгенштейн Л. 2005. Избранные работы. М.: Изд. дом «Территория будущего».

Гегель. 2000. Феноменология духа. М.: Наука.

Гуссерль Э. 1991. Феноменология // Логос. 1991. №1, 12-21.

Джеймс У. 1991. Психология. М.: «Педагогика», 56-80.

Карманова З.Я. 2012. Феноменологические аспекты содержательной структуры слова: дис. ... докт. филол. наук.

Карманова З. Я. 2014. Феноменологические аспекты содержательной структуры слова. Калуга: Издательство «Эйдос».

Лосев А.Ф. 1983. Языковая структура. М., 1983.

Лосев А.Ф. 1999. Самое само: Сочинения. М.: ЗАО Издательство ЭКСМО-Пресс.

Мамардашвили М.К. 2000. Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 5-205.

Мамардашвили М.К. 2012. Органы онтологии (доклад) // Онтология философии. М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 19-32.

Потебня А.А. 1913. Мысль и язык. Харьков: Типография «Мирный труд».

Потебня А.А. 1999. Мысль и язык. М.: Изд-во «Лабиринт».

Рикер П. 1996. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М.: Искусство.

Рикёр П. 2008. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический Проект.

Рубинштейн С.Л. 1959. Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во Акад. наук СССР. *Свасьян К.А.* 2009. Человек в лабиринте идентичностей. Москва: Evidentis.

Флоренский П. 2004. Введение в историю античной философии. Лекция 10 // Философские науки. 2004. № 3.

Щедровицкий Г.П. 1995. Избранные труды. М.: Школа Культурной Политики.

Jackendorf R.S. 1983. Semantics and cognition. Cambridge (Mass.): The MIT Press.

Информация об авторе

Карманова Зоя Яковлевна

Профессор кафедры иностранных языков Брянского государственного университета (РФ),

доктор филологических наук

zoyadis@rambler.ru